

Религия в Таджикистане в фарватере геополитики: взгляд из Казахстана

*Кыдырбекулы Дулатбек Балгабекович,
доктор политических наук*

Вопросы религии в обществе занимают актуальное положение. В годы советского большевистского правления считалось, что вопросы с религией решены раз и навсегда. При этом отношение к религии было весьма лицемерной. С одной стороны, Конституция СССР провозглашала свободу слова, совести и вероисповедания, а с другой вела атеистическую пропаганду и антирелигиозную политику. Ту или иную веру исповедовали лишь люди преклонного возраста, не являвшиеся членами КПСС. Молодежь была отучена от религии, и в большинстве вступала в комсомол. Лишение прав граждан на вероисповедание было одной из преступных задач советского партийного руководства. Однако, люди в своем большинстве в тайне оставались верными своим национальным и религиозным традициям, что определило падение атеистической идеологии в бывшем СССР в годы перестройки, а затем после распада советской империи.

Каждая советская союзная и автономная республика фактически быстро определилась со своей традиционной религией. Вероисповедание титульного этноса и определяло значение традиционной религии в той или иной республике. В Центральной Азии и Азербайджане это был ислам, а в остальных республиках – православное христианство. Каждая республика бывшего СССР имеет свой путь к развитию, в т.ч. касательно и религии.

Таджикистан является одной из стран Центральной Азии, где население в основном исповедует ислам. Ислам в Таджикистан проник еще в 8-9 веках вместе с приходом арабских завоевателей. Территория Таджикистана оказалась в составе огромного Арабского Халифата. При этом были районы насильственного обращения в ислам. В то же время, новая религия при своей изначальной толерантности уживалась с другими верованиями, которые постепенно вытеснялись в течение последующих веков. До прихода арабов, в начале 7 века религиозными культурами исповедуемое основным населением, были зороастризм, манихейство, буддизм и индуизм, а также христианство несторианского толка. Во многих крупных городах был широко распространен иудаизм. К середине 11 века процессы исламизации населения территории современного Таджикистана были практически завершены. Все доисламские верования, за исключением иудаизма, окончательно были вытеснены исламом. При вхождении в Арабский Халифат арабский язык стал официальным и деловым. Но народ продолжал говорить на своем таджико-персидском (дари) языке. Средневековые поэты Абу Абдулла Джафар Рудаки и Абуль Касим Фирдоуси возродили величие персидского языка, поставив его в один ряд с арабским. С тех пор на мусульманском Востоке функции арабского языка сводились лишь к роли языка средневековой науки и религии, в то время когда персидский стал языком поэзии. Своей ниши не лишен был и тюркский

(чагатайский) язык, влияние которого также было сильно, особенно в военной сфере. Поэтому, в государственной, религиозной, образовательной и купеческой деятельности знание этих трех языков было обязательной.

Поэтому, на сегодняшний день, для подавляющего большинства населения Таджикистана ислам является, не только традиционной религией, но и определенным образом жизни. Однако при этом не следует путать мусульманский образ жизни с чисто арабскими чертами национального характера. География является понятием вечности. Именно география сформировала и продолжала формировать различные культуры. «Ислам в Центрально-азиатских республиках – сложился так, что религиозные догмы ислама смешались с местными народными традициями и доисламскими верованиями. У тюркских народов ислам органично сочетается с древними культами и с культурой кочевой жизни. Специфическая особенность ислама в Таджикистане связано с тем, что уже более трех тысяч лет назад предки таджиков перешли на оседлый образ жизни. Земледельческая культура и связанная с нею духовность стали фундаментом для ислама. При этом, неважно какой ветви ислама исповедуются таджики: сунни или шиа». (1) Следует отметить, что к моменту прихода арабов в Центральную Азию, местная цивилизация была развитой по сравнению с культурой завоевателей. Поэтому, если арабы сначала уничтожали местные материальные и духовные ценности, то затем они стали их перенимать для развития как своей, так и общей исламской культуры.

Также следует отметить, что подавляющее большинство этнических таджиков принадлежит к суннитскому направлению ислама. Помимо таджиков ислам в стране исповедуют узбеки, киргизы, татары, туркмены, казахи, уйгуры, афганцы. Представители всех этих этносов также являются суннитами. Лишь около 200 тыс. жителей Горного Бадахшана являются приверженцами исмаилитской ветви шиитского течения ислама. В то время, как в ряде мусульманских стран происходят открытые столкновения между приверженцами суннизма и шиизма, или же ущемления прав одной из этих ветвей, то в Таджикистане либо подобные явления происходят весьма редко, либо острые противоречия между двумя ветвями и вовсе отсутствуют.

Относительно состояния ислама в Таджикистане даются следующие сведения: «На сегодняшний день в Республике Таджикистан действуют 250 соборных мечетей (214 – зарегистрированных, 36 - незарегистрированных). Самыми большими по количеству прихожан являются «Мавлана Якуби» в Душанбе и "Шейх Муслихиддин" в Ходженге. К ним нужно прибавить еще более трех тысяч так называемых "пятикратных" мечетей (махаллинских молельных домов, где совершаются ежедневные молитвы, кроме пятничного намаза). Кроме этого, в Таджикистане насчитывается 20 медресе, где готовят имамов и имамхатибов. С 1990 года в Душанбе функционирует Исламский университет имени Имама Термези. В учебную программу кроме изучения Ислама, входят: изучение иностранных языков, таких как арабский, английский, русский и другие. Около 300 молодых людей обучаются в религиозных учебных заведениях Ирана, Пакистана, Турции, Египта,

Саудовской Аравии. В 2002 году в хадж из Таджикистана выехало около 3 тыс. паломников (по договору, заключенному с министерством по делам хаджа Саудовской Аравии, количество паломников из Таджикистана не должно превышать 0,05% населения страны). Руководящим органом для мусульман страны является Исламский центр (бывший муфтият), при котором действует Совет улемов. Его председателем является Аманулла Нематзаде». (2)

Кроме того, ислам в Республике Таджикистан не является единственной религией. В стране существуют 66 других конфессий. Таковыми являются христианская православная, лютеранская, корейская церкви, синагога, бахаитский и кришнаитский сектантские дома и ряд других. Как правило, все религиозные организации, в случае необходимости, оказывают своим прихожанам моральную или материальную поддержку. (3) Существование этих религий связано с приходом в Центральную Азию сначала российской колониальной администрации в 19 веке, а затем с установлением советской власти в 1917-1920-х годах. Приход новых религий в Таджикистан в основном сопровождался миграцией этнических русских, украинцев, белорусов, армян, а также депортацией немцев и корейцев. Иудаизма придерживаются как местные бухарские евреи, проживавшие с незапамятных времен, так и евреи – выходцы из европейской части бывшего СССР. Что касается бахаитов и кришнаитов, то их численность является мизерной и заполнены они за счет вероотступников из других конфессий.

Тем не менее, после приобретения национальной независимости исламский фактор стал определять свое место в общественной жизни страны. Это особо остро и ярко отразилось во время гражданской войны в Таджикистане. Также исламский фактор прямо или косвенно стал оказывать влияние и на миграционные процессы в стране. Прежде чем рассмотреть место религиозного фактора в развитии таджикского государства, обратимся сначала к некоторым аспектам недавнего исторического прошлого.

Как известно 9 сентября 1991 года законодательный орган Таджикистана принял декларацию о национальной независимости. Общество пребывало в эйфории по поводу радости в завоевании свободы. Однако оно оказалось слишком разношерстной, чтобы народ почувствовал единство. Здесь был налицо социальный контраст среди таджиков на фоне проживавших в стране других этносов и конфессий. Таджикское общество условно можно было поделить на коммунистов и демократов, исламистов и простых мусульман, горожан и сельчан. Существовавшие противоречия стали приводить к тому, что власть из стала терять свой контроль над страной.

Предтечей гражданской войны и исламского фактора в Таджикистане стали события февраля 1990 года, когда в Душанбе начались волнения, и на их подавление центральный союзный орган в Кремле бросил армейские силы. Еще в конце 1980-х годов в Таджикистане возникло народное движение «Растохез» («Возрождение»). Это было оппозиционное демократическое движение, которое ставило задачу пробуждения

национального самосознания таджикского народа. В январе 1990 года движение «Растохез» открыто выступило за запрещение деятельности компартии как правящей узурпаторской партии. И 12-14 февраля 1990 года в Душанбе произошли столкновения между демонстрантами и милицией, результатом чего стало объявление чрезвычайного положения и введение советских войск, что привело к кровавой развязке. Это противостояние было вызвано борьбой за власть между «старой гвардией» - партийно-хозяйственной номенклатурой (компартия Таджикистана) и коалицией оппозиционных партий и движений, объединявшей как демократов, так и исламистов.

Спустя два года, в мае 1992 года началось новое политическое противостояние, переросшее в вооруженный конфликт между властью и оппозицией. Во главе оппозиции стали исламисты. Усиление оппозиции имело ресурсно-идеологическую подпитку как изнутри, так и извне. Внутренними факторами стали возрождение национальных и религиозных традиций таджикского народа, и связанные с этим рост самосознания таджиков, широкий отказ от тоталитарного атеизма, а также резкое ухудшение социально-экономической жизни страны. Вскоре после начала гражданской войны деятельность Исламской партии Таджикистана был запрещена, что еще более усилила противостояние власти с исламистами. Основным внешним фактором стало влияние политической нестабильности и усиление гражданской войны в соседнем Афганистане. Этому также способствовало ослабление государственного контроля Душанбе над государственной таджико-афганской границей.

Следует отметить, что еще во время событий февраля 1990 года афганские моджахеды сделали попытку оказать помощь народному выступлению. По крайней мере, они об этом намерении сделали полуоткрытое декларативное заявление. Положение в Афганистане в это время также было критическим, поскольку прокоммунистический режим Наджибуллы отчаянно продолжал биться с моджахедами после вывода советских войск в феврале 1989 года. Пока существовал СССР, режим продолжал получать советское оружие. Тем не менее, один из лидеров моджахедов, обладавший огромным к тому времени авторитетом Ахмад-шах Масуд постепенно брал под свой контроль территорию северного Афганистана, граничащего с Таджикистаном и Китаем.

Религиозный фактор настолько был важен, что афганская антисоветская и антикоммунистическая оппозиция пыталась часть проблем решить за счет советской Средней Азии. Дело в том, что с выводом советских войск, «пешаварская семерка» в составе главных идеологов борьбы с советскими оккупантами (Бурхануддин Раббани, Гульбеддин Хикматияр, Юнус Халис, Сеид Ахмед Гейлани, Абдул Расул Саяф, Сибгатулла Моджадеди, Мухаммед Наби Мухаммади) потеряла основного своего врага – коммунистический СССР, представлявший из себя главного верховного кафира-безбожника. Пока был советский солдат в Афганистане – был этот неверный, которого нужно было всеми силами убивать и гнать, и

джихад против советских войск был вполне оправдан. А когда такового не стало, то афганец стал воевать против афганца, а мусульманин стал стрелять в мусульманина. Моджахеды нуждались в образе нового врага, которого им трудно было найти или создать. Они пытались их найти за пределами Афганистана. Поэтому, Гульбеддин Хикматияр незадолго до вывода советских войск из Афганистана заявил: «Если моджахеды с настойчивостью будут продолжать драться дальше, то оккупированные земли Средней Азии будут в скором времени освобождены».

Афганская война 1979-1989 гг. стала индикатором политической слабости СССР. Затяжное ведение войны стало истощением экономических, социальных и политических ресурсов Советского Союза. Одна только потеря людских ресурсов составила 15 тысяч убитых советских солдат и офицеров. Вывод советских войск показал, что Кремль реально проиграл эту войну, и это стало одним из внешних факторов, повлиявших на скорый распад советской империи. При выводе советских войск некоторые афганцы словно предвидя, говорили: «Русский солдат уходит из нашей страны. Но он будет уходить все дальше и дальше на север далеко от Афганистана. Аллах тому свидетель». Следует заметить, что еще во время нахождения советских войск на территории Афганистана со стороны моджахедов предпринимались неоднократные попытки проникнуть на территорию Таджикистана, которые пресекались действиями советских пограничников. Но с выводом советских войск попытки нападения с целью провокации продолжались и отчасти усиливались. Станным на первый взгляд, но вполне закономерным явился тот факт, что авангардом антиправительственных выступлений в Душанбе в феврале 1990 года явились таджикские ветераны афганской войны. Таким образом, на фоне таджикских событий 1990-1997 годов неконтролируемый Афганистан стал раздражаться, но в то же время радикальные исламистские силы (сначала антисоветская оппозиция, а затем движение Талибан) стали постепенно превращаться в третью геополитическую силу.

Итак, Афганистан стал постепенно непосредственно или полуоткрыто влиять на политическую ситуацию в Таджикистане, в частности в области усиления религиозного фактора. Тем временем, в мае 1992 года в Душанбе начинается открытое политическое противостояние, переросшее затем в вооруженный конфликт. Незадолго до этого, в начале весны 1992 года прокоммунистический режим в Кабуле пал. Наджибулла был свергнут, и он скрылся в представительстве ООН. До этого, в конце 1991 года моджахеды провели реорганизацию своих сил и создали «Объединенный исламский фронт Афганистана» или т.н. Северный Альянс. Ударная сила Ахмад-шах Масуда при содействии генералов, перешедших на его сторону, заняла столицу страны. После свержения режима Наджибуллы под контролем панджшерского льва Ахмад-шаха Масуда оказалось 11 из 31 провинции Афганистана. На этих территориях была налажена экономика, наступила относительная стабилизация. В этих провинциях проживало в основном фарсоязычное население. Официально президентом Афганистана стал Бурхануддин Раббани. Однако фактическим хозяином страны оставался

Ахмад-шах Масуд. Если афганские моджахеды были опьянены победой и испытывали полную эйфорию, то таджикские исламисты были вдохновлены победой моджахедов над прокоммунистами. Президент Таджикистана Рахмон Набиев (декабрь 1991 – октябрь 1992 гг.) рассматривался ими как подобие Наджибуллы. Поэтому, неспроста существует короткая связь во времени между падением режима Наджибуллы и начавшимся вооруженным конфликтом в Душанбе (все это происходило весной 1992 года). Таджикские исламисты ожидали своего звездного часа, чтобы также вооруженным путем свергнуть бывшее коммунистическое правительство в Душанбе.

Тем не менее, Ахмад-шах Масуд оказался рассудительным и трезвым политиком, и не стал вмешиваться в таджикскую междоусобицу. Его отношение к Таджикистану выглядело вполне нейтральной, хотя не исключено, что лично он мог и не проявлять равнодушия к своим этническим собратьям. Афганистан при его фактическом правлении сохранял статус-кво с Таджикистаном, поскольку его невозможно было изгнать из Панджшерского ущелья, где он фактически охранял границы бывшего СССР от вторжения исламистских наемников. Даже когда талибам после установления своей власти в Афганистане в 1997 году удалось оттеснить позиции Ахмад-шах Масуда с занимаемых им территорий 11 провинций, то его родное Панджшерское ущелье продолжало сохранять геополитическую значимость под его полным контролем. (4)

Гражданская война в Таджикистане тем временем разгоралась. В стране не было тишины и спокойствия. В апреле 1994 года в Москве прошел первый раунд переговоров по национальному примирению в Таджикистане. Ряд стран стали посредниками для воюющих сторон. В апреле 1995 года эти переговоры также имели свое продолжение в Алматы, ныне бывшей столице Казахстана. Эти переговоры между правительством и исламистами явились первой и трудной ступенью к миру, но главным достижением стало то, что произошло преодоление основного барьера – удалось уговорить конфликтующие стороны сесть за стол переговоров. В этом сложном политическом диалоге между таджикским правительством и оппозицией свою основную посредническую роль сыграли Россия, Казахстан и Афганистан. Узбекистан, Кыргызстан, Китай – непосредственные соседи оказались пассивными в этом вопросе. Западные страны также были сторонними наблюдателями межтаджикского конфликта, поскольку вплоть до события 11 сентября 2001 года проблемы исламского радикализма, экстремизма и терроризма их особо сильно не волновали, хотя старались всеми силами проявлять интерес. Мировое сообщество в 1991-2001 годах практически забыло и не контролировало ситуацию в Афганистане и вокруг него, чем и упустила возможность влиять на геополитику в регионе.

О вкладе Афганистана в деле национального примирения внутри Таджикистана свидетельствует бывший президент этой страны Б. Раббани: «Когда первый раз в Афганистан приехал президент Таджикистана, между сторонами существовали недоверие и подозрения. Казалось, стороны хотят донести свои слова через нас. Мы устроили первую встречу оппозиции с

президентом. Это было первым шагом. В знак того, что мы действительно хотим мира между сторонами, по приглашению президента Республики Таджикистан я поехал в Душанбе. Без сомнений, мой визит в Душанбе не понравился некоторым руководителям таджикской оппозиции. Они думали, что он упрочит позиции правительства. Они от нас хотели таких действий, которые создали бы сложности для правительства Таджикистана. Но я этого не хотел. Обе стороны для нас не были чужими. После визита я настаивал, что руководители оппозиции при любых обстоятельствах должны сесть за стол переговоров. Я тогда говорил: «Надо сначала создать Таджикистан. Есть страны, которые не хотят видеть Таджикистан независимым и процветающим». Конечно, были люди в оппозиции, которые не хотели идти навстречу, но господин Нури с ясным пониманием ситуации пошел навстречу правительству. Тогда и состоялась встреча в Фархоре (провинция Тахор). Сюда прибыли президент Рахмонов, представитель ООН, участвовал покойный инженер Масуд. Переговоры длились всю ночь. До утра стороны пришли к согласию. Фундамент таджикского мира, основные пункты соглашения были заложены там. Тогда же мы решили: пусть окончательная встреча пройдет в России. Я поручил нашему послу в Москве отслеживать ситуацию. Я настаивал на том, чтобы любые проблемы решались любой ценой, лишь бы достичь цели. Впоследствии это было сделано». (5) Таким образом, несмотря на верность исламским идеалам и идеологии, афганские лидеры Бурхануддин Раббани и Ахмад-шах Масуд воздержались от какой-либо поддержки таджикским исламистам. Афганское руководство вполне осознавало пагубность вмешательства во внутренние дела Таджикистана, особенно касаясь религиозного аспекта.

Гражданская война в Таджикистане усилила массовый отъезд из страны нетитульных этносов, которые еще после февраля 1990 года настроились на чемоданное настроение покинуть обжитый край. Однако и множество таджиков из кишлаков устремились беженцами в северные районы Афганистана. Это бедное государство, само разоренное длительной войной, приняла многочисленных беженцев-собратьев из ранее более благополучной республики. Более радикальный афганский идеолог Г. Хикматияр пытался оказать поддержку таджикским исламистам через таджикских беженцев: «Таджикские беженцы были рассеяны по Афганистану и Пакистану. Естественно, между ними и Хикматияром были связи. Хикматияр, как общеафганская сила старался наладить свои отношения с моджахедами за пределами Афганистана и стать региональной силой. Однако, как бы там ни было, связи Хикматияра и таджикской оппозиции не могли оказывать большого влияния на саму оппозицию в межтаджикском урегулировании». (там же) Таджикская исламистская оппозиция всеми силами стремилась имитировать борьбу с бывшим коммунистическим руководством и демократическими силами страны, беря в пример борьбу афганских моджахедов. Таджикских моджахедов (так будем называть теперь исламистов) вдохновляло прошлое сопротивление афганских оппозиционных сил против советской оккупации. Они прямо

заявляли: «Для российских войск на территории Таджикистана мы устроим второй Афганистан». В результате российский воинский контингент и миротворческие силы в составе представителей вооруженных сил трех центрально-азиатских стран – Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана понесли частичные и незначительные людские потери. Только путем тщательных усилий и крепкой политической воли, проделанных Россией, Казахстаном, а также Узбекистаном и Кыргызстаном в 1990-х годах превращения Таджикистана во второй Афганистан не произошло. Моджахедское расползание по Центральной Азии удалось предотвратить.

Однако приход к власти в Афганистане движения Талибан к лету 1997 года создал новую напряженность в регионе Центральной Азии. Поскольку Талибан стал теснить Северный Альянс вплоть до границ Таджикистана, то таджикская исламистская оппозиция предпочла не связываться с этим движением, считая, что по духу ей близок именно Северный Альянс. Здесь свою роль сыграл уже этнический фактор. Основную армию Северного Альянса составляли афганские таджики, а Талибан – пуштуны. Враждебные отношения этих двух этносов не позволяла радикальной таджикской оппозиции искать помощь у Талибана. К тому же, 27 июня 1997 года в Москве воюющими таджикскими сторонами было подписано Общее соглашение о мире и национальном согласии. Впоследствии этот день стал национальным праздником Таджикистана. Хотя выстрелы в стране еще не до конца смолкли, но межтаджикская гражданская война была бесповоротно остановлена. С этого дня начался медленный и постепенный исторический этап восстановления мира в Таджикистане. Национальная консолидация в Таджикистане подняла дух народа перед талибской угрозой. Подтверждением тому является тот факт, что 4 ноября 1998 года группировка мятежного полковника М. Худойбердыева совершила вооруженное нападение на Ленинабадскую область, которая была самой стабильной в стране и не пострадала в годы гражданской войны. Эта область на северо-западе страны была на несколько дней превращена в арену боевых действий. Вооруженные формирования Объединенной таджикской оппозиции впервые совместно с правительственными силами участвовали в этой операции по разгрому мятежников. К сентябрю 1999 года Талибан почти полностью, кроме Панджшерского ущелья в афганском Бадахшане контролировал территорию страны. Это также способствовало солидарности Таджикистана с Северным Альянсом.

Разгром Талибана осенью 2001 года вскоре после террористического акта 11 сентября, а также создание американских военных баз в Узбекистане и Кыргызстане резко убавил опасность для Таджикистана и региона Центральной Азии в целом. Однако вновь растущее сопротивление Талибана силам евро-американского антитеррористического альянса наводит на новые вызовы. В мае-июне 2005 года Россия вывела свои пограничные войска из таджико-афганской границы протяженностью 1300 километров. Однако 201-я российская дивизия не спешит покинуть Таджикистан. Тем не менее, бывший директор Федеральной пограничной службы Российской Федерации

генерал армии Андрей Николаев заявил: «Поверьте, как только из Таджикистана уйдут пограничники, 201-я дивизия окажется в окружении отнюдь не доброжелателей», что означает уход России из Таджикистана в ближайшие годы. (6)

Тогда, по словам генерала Николаева, еще более усилится в страну через реку Пяндж поток наркотиков, преимущественно героина, а далее в Россию. Таджикиским пограничникам, получившим в наследство арсеналы и инфраструктуру российских предшественников, приходится трудно в эффективном противостоянии. (7) Но вместе с тем увеличится и поток мигрантов из Афганистана. Мост дружбы, заложенный в июне 2005 года при встрече президентов Эмомали Рахмонова и Хамида Карзая, может придать миграции полулегальный характер, если таджико-афганская граница не будет усилена силами национальной безопасности Таджикистана. Ведь под видом мигрантов будут скрываться исламистские радикалы, которые будут всячески помогать таджикским исламистам. И здесь уже не исключено, что последние могут внезапно найти общий язык с талибами ввиду усиления их сопротивления американским и европейским войскам. Поэтому, значение Таджикистана в Центральной Азии будет расти по мере роста его потенциала и ресурсов в противодействии исламскому радикализму и экстремизму. Мировое сообщество в этом будет содействовать наряду с вниманием к Афганистану.

В довольно сложной геополитической обстановке внутреннее развитие Таджикистана также переживает весьма непростые времена. В отличие от Казахстана, который ведет многовекторную внешнюю политику и равноудаленное сотрудничество и партнерство с ведущими мировыми геополитическими игроками – США, Россией и Китаем, Таджикистан ориентируется больше на Россию. Сотни тысяч таджикских трудовых мигрантов пребывают в России и других странах СНГ. Товарооборот также ориентирован на пост-советское пространство. В то же время, Таджикистан имеет 500 километров границы с Китаем. Членство Таджикистана в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) заставляет страну нести определенные государственные обязанности прежде всего перед Китаем: торгово-экономическое сотрудничество и признание территориальной целостности. Таджикский политолог Рустам Хайдаров считает, что для Таджикистана Китай – это прежде всего большая страна с большим населением: «Это соответствует Национальной стратегии Китая: проникнуть в любую страну, создать там китайские экономические единицы и сообщества. Работают на китайских предприятиях во всем мире преимущественно китайцы. Таким образом, они проникают куда-либо, а позже их невозможно выдворить». (8)

Следует также отметить, что в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая проживает небольшое число таджикского населения. Основное население этого края (уйгуры, казахи, узбеки, киргизы), как правило, являются мусульманами. Поэтому, Пекин может с подозрением относиться к исламскому фактору в таджикско-китайских отношениях, поскольку

уйгурские сепаратисты также могут проникать в Таджикистан. «Значение Таджикистана в системе национальной безопасности Китая возросло после прихода США в Афганистан. Вернее, после разговоров о создании военных баз на территории этой центрально-азиатской страны. Пекин опасается поддержки американцами уйгурских сепаратистов. Он старается иметь тесные и дружественные отношения с исламскими странами, особенно Центральной Азией, Пакистаном и Афганистаном, чтобы не допустить возможную поддержку уйгуров с этой стороны», подчеркивает таджикский эксперт по политическим вопросам Нурали Давлатов. (9)

Боевики уйгурских сепаратистов нашли себе убежище в Пакистане, где они находятся рядом с лидерами Аль-Каиды и Исламского движения Туркестана (бывшее ИДУ – Исламское движение Узбекистана). Основная цель уйгурских сепаратистов – провозглашение Восточного Туркестана и всего Синьцзяня независимым мусульманским государством. Ведь распад СССР сильно повлиял на настроение уйгурского населения. Для уйгурских сепаратистов Таджикистан также может иметь потенциальное географическое убежище. Опыт борьбы советской власти с басмачеством в 1920-х и начале 1930-х годах показал, что басмачи имели свои базы не только в Афганистане, но и на западе Китая. Дестабилизация ситуации на юге Афганистана не может не тревожить Китай. Поэтому Китаю приходится не только проводить военные учения с Таджикистаном, но и вкладывать деньги в экономику страны, имеющей самую протяженную границу с Афганистаном в регионе Центральной Азии. Таджикистану в свою очередь для стабильности требуется от Китая больше инвестиций и финансово-технического содействия в становлении таджикской национальной армии.

Для всех мировых держав существует лишь один интерес в отношении Таджикистана – поднятие экономики страны в целях недопущения сближения простых мусульман с Аль-Каидой и Талибаном. Некоторые факты свидетельствуют о связях таджиков с Талибаном, хотя они имеют единичный случай. Это возвращение из Пакистана группы таджиков, изучавших ислам в медресе «Ханафия», финансировавшемся руководителем талибского режима Муллою Омаром. Кроме того, американская сторона известила руководство Таджикистана, что в тюрьме Гуантанамо содержатся три жителя Исфаринского района, взятые в плен в ходе антитеррористической операции в Афганистане, где они воевали на стороне талибов. При неспособности решить проблемы социально-экономического развития такие случаи могут участиться и принять масштабный характер при той ситуации, что коалиционные силы НАТО в Афганистане несут потери от наращивающих свою силу талибов.

Китай, как и Россия и США, проявляет заинтересованность в том, чтобы таджикский солдат был хорошо вооружен для борьбы с экстремистами, радикалами, моджахедами и террористами. Китай вступает в конкуренцию с Россией и США не только за экономическое влияние, но и за политическое и военное присутствие. Присутствие России уменьшается, а этот вакуум стремятся заполнить США, Китай и исламские страны. США

стремятся через Таджикистан вести свой контроль над Афганистаном. Учитывая прошедшую гражданскую войну в Таджикистане, Китай не намерен, таким образом допустить сближения уйгурских сепаратистов с таджикскими исламистами. В качестве региональной и новой мировой державы в Таджикистане свое присутствие высказывает и Индия, имеющая свою отдельную военную базу в стране.

В декабре 2002 года состоялся первый официальный визит президента Таджикистана Э. Рахмонова во Францию и в США. После начала антитеррористической операции против режима афганских талибов осенью 2001 года произошло интенсивное сближение стран Запада с Таджикистаном, хотя и до этого таджикское государство сотрудничало с НАТО в рамках «Партнерства во имя мира». Первые визиты Э. Рахмонова в западные страны стали началом новой стадии, более сбалансированной и прагматичной внешней политики Таджикистана, которая прежде была жестко ориентирована на Россию. Теперь же, ориентировка на Запад похоже несколько поубавит аппетиты исламистских игроков извне.

Известный таджикский кинематографист и режиссер Давлат Худоназаров отметил три культурно-политических направления в пост-советской Центральной Азии: пост-коммунистическая, демократическая, и исламская. Эти три направления соответственно и ищут поддержку со стороны определенных геополитических сил. Пост-коммунистическое направление главным образом ориентировано на Россию, демократическое – на Запад, но исламское – на исламский мир. Сам исламский фактор он оценивает следующим образом: «Ислам в лице своих служителей был под полным контролем государства. Многие муллы были агентами КГБ. Их основной заботой было собственное обогащение за счет паствы. На этом фоне появились молодые проповедники, которые откровенно проявили свое несогласие с представителями официального ислама. Молодые реформаторы призывали возродить истинные ценности ислама. Внешние факторы, способствовавшие этому процессу: триумфальное возвращение Хомейни в Тегеран, создание исламского идеологизированного государства в Иране, война в Афганистане и моджахедское движение. Вскоре среди молодых реформаторов выделился молодой проповедник Мулла Абдулла, впоследствии ставший известным под именем Саид Абдулла Нури». (10)

После обретения национальной независимости Таджикистан был провозглашен секулярным обществом, где религия не является государственной и отделена от государства. Однако исламисты восприняли этот жест как тяжелое наследие советского государственного контроля над религией, и начали вести борьбу, исходом которой явилась гражданская война. Бурхануддин Раббани как влиятельный афганский политик дает свою оценку гражданской войне в Таджикистане: «Таджикистан только получил независимость. Каждая партия думала, что именно она может создать то государство, которое приемлемо для народа. Таджикская оппозиция во главе с Саидом Абдулло Нури думала, что тогдашняя власть – рецидив коммунистического режима, и она не может возродить национальные

традиции и славную историю таджиков. К сожалению, идеологические споры не решились политическим путем: все взяли в руки оружие. И думаю, что были также «руки» из-за рубежа. Близкие и дальние силы, которые ради своих интересов в наших странах, способствовали возникновению этого конфликта». (11)

После консенсуса, достигнутого между таджикским руководством и Объединенной таджикской оппозицией (в составе, как исламистов, так и демократов), государство продолжает держать религию под своим контролем. Но при этом, исламисты, которые были допущены к власти в качестве равных политических фигур, теперь уже на другом, более легальном уровне ведут свою определенную борьбу. Это свидетельствует о неконфликтных противоречиях между властью и религиозными лидерами.

Таджикистан в наследие от советской империи получил низкое социально-экономическое и бедное состояние, а вместе с ним и диаметрально противоположные противоречия между регионами – индустриальным севером и аграрным югом. В политическом руководстве процветали клановость и коррупция. Таджикские исламисты здесь попытались пойти по иранскому образцу, когда недовольный социально-экономическим положением народ привел к власти аятолл.

На роль таджикского аятоллы претендовал Мулла Саид Абдулла Нури (Абдулла Нуриддинович Саидов). Биография его такова. Он родился в 1947 году в Тавильдальинском районе Таджикистана. Сначала духовное образование он получил у своего отца, богослова Нуриддина Саидова, затем он продолжил свое образование у известного богослова Мавлади Мухаммеджана. Потом была его духовная подпольная школа в Душанбе. В середине 1950-х годов семья его подверглась гонениям и была выселена в Вахшскую долину. В 1973 году был впервые арестован, который, по сути, спровоцировал поиски ответа на вопросы: почему и за что? В 1975 году имел свое первое собрание: вел пропаганду с призывом не производить чрезмерные расходы на свадьбах, на похоронах, и во время других религиозных действиях. В 1983 году официально был вызван на допрос в КГБ. До вызова были беседы на квартирах с попытками его завербовать. После отказа ему были предъявлены следующие обвинения: реформирование ислама, прослушивания зарубежного радио, связь с Хомейни и афганскими моджахедами. После этого за ним было установлено наблюдение. Их называли шиитами, а они толком сами не знали, что это. Как только вахабизмом начали интересоваться – тогда их стали называть приверженцами Абдул Ваххаба. В июле 1986 году был снова арестован. Но произошла вскоре большая демонстрация с требованием его освобождения. Его освободили, но через месяц снова арестовали на дороге – были предъявлены обвинения в хранении наркотиков, а затем суд и ссылка в Сибирь, в город Комсомольск-на-Амуре. С декабря 1987 года – на вольном поселении, но в феврале 1988 года был освобожден. В 1991 году была создана Исламская партия Таджикистана, одним из основателей которых он является. Кроме того, Саид Абдулла Нури стал единственным политиком в

бывшем СССР, который заявил о превращении Таджикистана в исламское государство по примеру Ирана и Афганистана. В январе 1993 года в Афганистане был создан Совет партии на котором он был избран лидером Исламского Движения Таджикистана. (12)

Саид Абдулла Нури стал крупным политическим феноменом в Таджикистане. Он был лидером одновременно Исламской партии Таджикистана (Партия исламского возрождения Таджикистана) и Объединенной таджикской оппозиции. Его противостояние с официальными властями добавляла ему дополнительный политический вес. Кроме того, он имел моральную поддержку со стороны Ирана и Афганистана. В частности, Б. Раббани, несмотря на то, что Афганистан в 1990-х годах был занят собственной гражданской войной, сумел Саида Абдуллу Нури убедить в бесполезности гражданской войны в Таджикистане. О своей встрече с ним он говорит таким образом: «Она (встреча – Д.К.) произошла в Бадахшане. После долгого путешествия я решил пообедать в ресторане у дороги. Я вышел из машины и увидел со стороны Файзабада навстречу едет джип. Мне сказали, что это таджикские беженцы и с ними господин Нури. Я попросил своих людей пригласить его. Во время беседы я сказал: «Господин Нури, за что Вы боретесь? Зачем эта война? Думаю, Рахмонов очень достойный парень, садитесь с ним и договаривайтесь. Пусть Таджикистан укрепится в политическом и экономическом плане. Придет такой день, и вы предложите свои идеи в качестве политических реформ. Боюсь, что война разрушит Таджикистан, после чего и вы не сможете вернуться на родину, и правительство столкнется с большими проблемами». После этой беседы господин Нури согласился со мной и попросил меня связаться с правительством Таджикистана. Я связался и сказал, что господин Нури искренне готов к переговорам...» (13) Одновременное ведение гражданских войн в двух соседствующих между собой странах является фактором быстрого распространения дестабилизации в регионе. Смещение двух вредных веществ в одно единое создает огромную угрозу на более дальние расстояния. Поэтому, национальное примирение в Таджикистане стало главным шагом на сложном пути к достижению баланса и стабилизации в Афганистане. Без мирных переговоров между Саидом Абдуллой Нури и Эмомали Рахмоновым Северный Альянс не сумел бы противостоять Талибану. Б. Раббани об этом прямо подчеркивает: «Именно территория и народ Таджикистана были единственным нашим оплотом, в результате чего нам удалось победить экстремистский режим талибов». (14) В то же время, в Таджикистане также имели место и гонения на имамов, причем президент Э. Рахмонов мотивировал это тем, что ряд членов Партии исламского возрождения Таджикистана вносят раскол в общество, проводя идеологическую обработку верующих в духе экстремизма», что стало довольно резким выпадом в отношении исламистов. Кроме того, исламисты, получив ряд позиций во всех трех структурах власти в конце 1990-х годов, стали вовлекаться в передел собственности. Члены Партии исламского возрождения, опьяненные той победой, что власть пошла им наконец

навстречу, став собственниками, стали либо отходить от своей политики, либо обогащаться за счет своих политических спекуляций. И после роста влияния своей партии и ее лидера, исламисты стали терять свою популярность. Авторитет стал подмоченным, т.к. исламисты во власти оказались причастными к коррупции. В августе 2006 года Саид Абдулла Нури внезапно скончался. Его преемником стал Мухиддин Кабири, ранее неизвестная или малоизвестная в политических кругах личность, хотя с 2005 года является депутатом Маджлиса. Кабири является широко образованной личностью, профессиональный политолог и дипломат. Как эксперт-аналитик способствовал в деле национального примирения. Есть риск в том, что эта партия, единственная исламская партия на всем пост-советском пространстве, претерпев кризис, может по различным разногласиям внутри партии расколоться на консервативное и модернистское части. (15) Консервативная часть ориентирована на исламские ценности и стремятся искать сотрудничество с Ираном и Афганистаном. Модернисты смотрят больше на либеральные исламские режимы (в т.ч. и на правительство Карзая) или даже на Запад (готовые при этом поддержать Э. Рахмонова). В то же время аналитики считают, что новый лидер менее всего обращает внимание на религиозный фундамент партии вследствие своей образованности. В этом случае, Кабири проявит максимальную гибкость и найдет больший консенсус с властью, нежели его предшественники, которые были более непримиримыми и бескомпромиссными лидерами. Еще весной 1997 года, отдав дань исламским традициям, президент Э. Рахмонов совершил малый хадж (умра), чем он расположил к себе народ и доверие простых мусульман. В то же время, заместителем Кабири стал Нури Мухаммед Кори – сын покойного Саида Абдулла Нури. Поэтому, также не исключена в последующем их межличностная борьба за главенство в партии.

Легализация одних исламских партии и движений оставляют в стороне другие. Так, в июле 2006 года в Согдийской области на севере Таджикистана были задержаны четыре предполагаемых члена Исламского движения Узбекистана (ИДУ). По заявлению министра внутренних дел Таджикистана Хамиддина Шарипова, ИДУ является организатором и исполнителем взрывов у здания Министерства чрезвычайных ситуаций в Душанбе 31 января и 13 июня 2005 года. По фактам этих терактов было задержано четыре предполагаемых члена данной организации. ИДУ, основанное в 1996 году со штаб-квартирой в Кандагаре (Афганистан) и действующий на территории Узбекистана, пытается вести свою деятельность и на территории Таджикистана. ИДУ призывает к насильственному свержению правительств пост-советских центрально-азиатских стран и к их преобразованию в исламские государства с последующим объединением их в халифат. «По данным МВД, с начала текущего года на территории Таджикистана задержано 40 членов ИДУ. Боевики ИДУ также подозреваются в нападении на погранпосты в Киргизии и Таджикистане в ночь на 12 мая текущего года». (16)

Кроме того, деятельность ИДУ на территории Кыргызстана (они причастны к

Баткенским событиям) также фактически окружает и блокирует Таджикистан со всех сторон исламистскими экстремистами.

Следует отметить тот факт, что у официального духовенства страны – Исламского совета Таджикистана как высшего религиозного органа мусульман продолжают сохраняться прохладные отношения с исламистами. Но некоторые явления могут спровоцировать единение мусульман, чего опасаются официальные власти. Так, «по данным комитета по делам религий в Таджикистане, кроме основных конфессий, зарегистрированы десятки других организаций, в основном евангелического толка. Среди прихожан этих центров немало таджиков и узбеков. В основном, христианство принимают те, кто окончил школы с русским языком обучения, хорошо образованные и прозападно настроенные жители страны. Власти сообщают что в последнее время 13 тысяч мусульман перешли в христианство». (17)

Лишь один указ официального духовенства на отдельную молитву мужчин и женщин может изменить религиозный баланс в стране (будет больше отступников в сторону христианства и кришнаитства), а это в свою очередь может вызвать межрелигиозные столкновения. Поэтому новый исламский лидер М. Кабири убежден в том, что официальное мусульманское духовенство фактически проигрывает и теряет свои позиции, а слабая идеология, не подготовленное духовенство и консерватизм отталкивают молодежь от ислама. (18)

Это противоречивое явление происходит на фоне сокращения численности немусульманских этносов, которое усилилось в ходе гражданской войны. Если в Таджикистане по данным переписи 1989 года, проживало 388,5 тысячи русских, то перепись 2000 года показала лишь 68,2 тысячи русских. Официальная статистика не учитывала часть миграций и смертей во время вооруженных столкновений ввиду затрудненности подобных работ. Почти все этнические немцы выехали из страны в Германию. Вместе с тем снизилась и доля мусульманских этносов, в частности татар и казахов. Сократилась также и численность узбекского населения с 23,5% в 1989 году до 16% в 2000 году. Однако доля киргизов в Восточном Бадахшане, мало затронутой войной, остается прежней – немногим более 1%. В то же время за десятилетний период значительно увеличилась численность и доля таджиков. Так, если в 1989 году их было 3172,4 тысячи (62,3%), то в 2000 г. – уже 4898,4 тысячи (79,9%). В целом, численность наличного населения Таджикистана на 20 января 2000 года составила 6127,5 тысячи человек. (19) Причем, здесь статистически трудно учесть те десятки и сотни тысяч таджиков, которые выехали на временную работу в другие страны СНГ, в частности в Россию. Кроме того, также сократилось численность еврейского населения, выехавшего в основном в Израиль и США. В Таджикистане их осталось чуть более тысячи, в т.ч. в Душанбе – около трехсот человек. В марте-июне 2006 года в Душанбе была снесена последняя синагога, построенная около ста лет назад. Однако правительство до сих пор не предоставило еврейской общине какие-либо компенсации. (20)

Таджикистан, таким образом, постепенно превращается в моноэтническое государство. При этом нельзя также исключать того, что после смены поколений страна может превратиться в исламистское общество, где другие религиозные меньшинства будут составлять весьма мизерное количество, не влияющее на общее состояние политики. Пока президент Э. Рахмонов прочно держит под своим контролем религиозное движение. Существующие в стране противоречия между светскими и духовными кругами, недостаточное разрешение социально-экономических проблем, спекуляции исламскими ценностями в политических целях превратили Таджикистан в единственное на пост-советском пространстве государство, где религиозный фактор играет активную роль в обществе. Уроки гражданской войны оказались весьма суровыми.

Возрастающая роль исламского фактора в мировой геополитике ставит Таджикистан на передний фланг борьбы с терроризмом и экстремизмом, поскольку страна фактически находится в исламском геополитическом окружении, который в случае общей дестабилизации может превратиться в замкнутое кольцо. Весьма решающими во внутренней и внешней политике Таджикистана останутся афганский и иранские факторы, поскольку единая языковая близость еще летом 2006 года сформировала некий персоязычный альянс трех государств. В то же время, различие политической направленности этих трех стран не приведет этот альянс в политическое или экономическое сообщество, ограничившись лишь рамками культурно-лингвистического сотрудничества. Вмешательство извне весьма усугубит и без того сложное политико-конфессиональное положение в таджикском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. <http://www.kennan.yar.ru/seminars/davlat.html>
2. <http://www.asiaplus.tj/area/38.html>)
3. там же
4. <http://antiterror.ntvru.com/article/61.html>
5. <http://www.asia-a.ru/rusdoc/4792.htm> от 29 июня 2006 года
6. <http://www.ng.ru> от 25 мая 2005 года
7. там же
8. <http://www.asiaplus.tj/articles/55/721.html>
9. там же
10. <http://www.kennan.yar.ru/seminars/davlat.html>
11. там же
12. <http://www.asia-a.ru/rusdoc/4792.htm> от 29 июня 2006 года
13. <http://www.kennan.yar.ru/seminars/davlat.html>
14. <http://www.asia-a.ru/rusdoc/4792.htm> от 29 июня 2006 года
15. http://www.ng.ru/cis/2006-09-07/8_rahmonov.html
16. <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=12717>

17. там же
18. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3584000/3584234.stm
19. <http://www.demoscope.ru/weekly/037/evro04.php>
20. <http://www.interfax-religion.ru/judaism/?act=news&div=9955>

Resume

This article titled “Religion in Tajikistan in Geopolitics: Kazakh Views” by Dr. Doulatbek Khidirbekughli tells on geopolitical situation in Tajikistan. The author focuses on religious factor as main category of geopolitics inside and round Tajikistan. He considers geopolitical dependence of Tajikistan upon neighboring countries like Afghanistan, Iran, and China as well as Russia and the United States. Also the internal religious situation in Tajikistan is taken into account.

Резюме

Дулатбек Қыдырбекұлының “Тәжікстандағы геосаяси жағдайындағы дін: Қазақстаннан көзқарас” атты мақаласында осы елдің геосаяси мәселесі сөз болады. Мақала авторы мұнда діни факторды геосаясаттағы бас мәселе ретінде қарастырады. Тәжікстандағы жағдай көршілес Ауғанстан, Иран, Қытай және сонымен бірге Ресей мен АҚШ-пен байланыстығын көрсетеді.

Özet

Bu makale Tacikitan’da Din hakkındadır. Tacikitan’ın jeopolitik durumu incelenmektedir. Dini faktörlerin etkisi anlatılmaktadır. Tacikitan’ın kendi dini durumu da göz önüne alınmaktadır.

*****

«Шындықтың көбінесе қарапайым болатындығы сонша, тіпті оған жұрт алғашында сене де бермейді»

Ф. ЛЕВАЛЬД

*****